

КАК НАПОЛНИТЬ БАНКУ С ДЕНЬГАМИ

Из первой командировки в роли проректора по экономическим вопросам и связям с предприятиями вернулся В. В. Овчинников. Командировка была во Владивосток, где создан международный образовательный центр. Подписан протокол, по которому КГУ будет включен в структуру этого центра как филиал, с правом юридического лица, (пока — протокол намерений).

Центр осуществляет дополнительную подготовку выпускников вузов с участием иностранцев. Подготовка будет краткосрочная — до 2 месяцев и двухгодичная по специальности международного права, экономики, бизнеса, и др.

После выработки Устава филиала в январе-феврале будет подпи-

сан договор, перенесены и адаптированы программы и мы начинаем у себя заниматься тем же. Что это дает?

— Мы можем начать подготовку по этим дисциплинам, в том числе иностранцев, т. е. дополнительно к нашим международным связям через центр мы получим выход на Японию и США.

— Сможем вместе с этим центром пройти аккредитацию.

— Преподаватели, которые станут работать в центре, будут также аккредитованы и получат сертификаты международного образца, т. е. смогут поехать работать в любую страну мира.

Один из организаторов центра

— гражданин США и член конгресса деловых людей РСФСР Пол Каттер в конце декабря — начале января посетит наш университет.

О программе своей деятельности в целом В. В. Овчинников сказал, что в его планах два конкретных мероприятия.

Первое: Создание фонда социальной защиты преподавателей и студентов университета. Банка деньгами будет наполняться за счет малых предприятий и кооперативов при университете, а также предприятий, с которыми университет сотрудничает (таких — 45, один физфак завязан на 24 предприятия). Попытаемся договориться с крайисполкомом, чтобы налог, который предприятия платят в мес-

тный бюджет, поступал в бюджет университета.

Структуры, созданные при университете и пользующие нашим имиджем, имеют оборот примерно в 7 миллионов. Это в два раза больше, чем имела НИЧ. В НГУ берут от такого оборота 15 процентов. Мы не берем практически ничего.

Второе. Для создания фонда Овчинников приступает к детальному разбирательству с каждым предприятием и будет готовить материалы на Совет (примерно к марту). Все должно быть упорядочено: отчисления с оборота, торговых сделок и т. д.

Средства фонда пойдут на службу Вахненко, стипендии, талоны на питание. Вокруг фонда может сложиться актив — взамен утраченных общественных структур.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ ПО ПОВОДУ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Постановление Совета Министров от 5 октября 1991 года предлагает Госкомитету по молодежной политике заняться следующими вопросами:

1. Возложить на Государственный комитет РСФСР по молодежной политике:

определение приоритетных направлений государственной политики на территории РСФСР;

разработку и координацию осуществления государственных программ РСФСР и иных решений, предусматривающих социально-экономические,

правовые, организационные меры по социальной защите молодежи и выравниванию начальных (стартовых) условий ее различных слоев, стимулированию перспективной для общества деятельности молодежи, а также меры, направленные на социальное восстановление неблагополучных категорий молодых граждан и профилитацию социальных отклонений;

участие в разработке проектов программ экономического и социального развития РСФСР, республиканского бюджета РСФСР, законодательных и иных актов по вопросам осуществления молодежной политики, а также — по вопросам, затрагивающим интересы молодежи;

привлечение молодежных организаций к участию в формировании государственной молодежной политики в РСФСР;

государственную поддержку, в том числе финансовую, молодежных и детских организаций;

финансирование, прежде всего на конкурсной основе, программ молодежных и детских организаций, других общественных объединений, религиозных организаций, благотворительных и иных фондов по оказанию социальной помощи молодым гражданам и осуществлению общественных инициатив молодежи;

организацию и непосредственное осуществление в установленном порядке контроля за соблюдением прав молодежи на предприятиях, в учреждениях и организациях вне зависимости от формы собственности и ведомственной принадлежности, включая воспитательно-трудовые и исправительно-трудовые учреждения, а также в подразделениях в системе Министерства обороны СССР, Министерства внутренних дел СССР и Комитета государственной безопасности СССР на территории РСФСР;

координацию и методическое руководство деятельностью органов по делам молодежи в системе исполнительной власти республик, входящих в состав РСФСР, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга;

создание, реорганизацию и ликвидацию в установленном порядке предприятий и организаций;

Печатающаяся ниже статья несколько повторяет выступление ее автора на конференции научно-педагогических работников, прошедшей полторы недели назад. И хотя К. К. Джансеитов выступал последним, т. е. оставил за собой по-

следнее слово, он считал нужным опубликовать материал еще в газете, как касающийся проблем "жизни и смерти" работников университета.

По всем вопросам редакция просит обращаться к автору.

Всем хорошо известно, что происходит за стенами нашего университета, и все хорошо понимают насколько мы властны влиять на процессы, происходящие там. А потому оставим пока в сторону обсуждение внеуниверситетских проблем.

Каждый из нас проводит время (существует), главным образом, дома и в университете. Мы едины в том, прежде всего, что работаем в одной организации, и все мы должны выжить, пережить как-то ближайшие год-два. Уж, по крайней мере, в университете мы должны выкарабкиваться вместе, не лезть ведь на плечи, на головы друг-другу! Должна быть выработана хотя какая-то программа выживания.

Есть ли такая программа? Во всяком случае я ее не знаю. Зато знаю более десятков актов, которые вопиют об анархии в управлении университетом и о разбазаривании налево-направо даже тех денег, накопленных всеми нами потным и кровью, которые ох как могли бы пригодиться в самые критические моменты периода выживания.

Для максимально полного восприятия ситуации каждым из нас проиллюстрирую один из этих фактов на себе.

Я работаю в университете с декабря 1963 года (страшно подумать!), начал преподавать нашим студентам еще в Новосибирске. И все эти годы университет никак не может выбраться из тяжелого состояния "болезни роста": свойственный нашей системе авантюризм и гигантомания руководства привели к значительному, на грани преступного, опережению численностью обучающихся возможностей имеющейся материальной базы. Для честного и добросовестного исполнения своих прямых обязанностей мне, как, уверен, и всем другим преподавателям, приходилось в условиях искусственно создаваемой нищеты тратить значительно больше сил и времени для достижения поставленной обществу (долгом, совестью) цели — подготовки молодых специалистов должного уровня (советская математика одна из первых в мире сейчас, а выпускники матфака явно выглядят лучше, чем все остальные выпускники университета! относительно лучше!)

ПОМИРАТЬ БУДЕМ ВМЕСТЕ

Куда уходит мой избыточный труд? Зарплатой мне его никто не компенсировал. А ведь первый год я работал по 36 часов в неделю, читал лекции практически по всем математическим курсам! Уверен, периоды такого "героизма" есть у каждого из нас.

Кто присвоил мой труд! Присвоила, прежде всего администрация университета. Финансирование, соответствующее численности обучающихся, тратилось на приобретение материальных ценностей, но каждый раз не мне, каждый раз не моему факультету. Всегда были "горячие точки", "фронты" прорывов, но только где-то в других местах. Особенно эти "фронты" формировались ректором В. С. Соколовым, который, между прочим, имеет еще и ту заслугу, что достиг в свое время значительных успехов в структуре партаппарата и вел нас в атаку то на МГД-генераторы, то на суперсовременную педагогику, то на передовую в мире идеологию и т. д., и т. п. А теперь этот аппаратчик в духе времени и своих соаппаратчиков штурмует бастионы капитализма, пытается приватизировать в ближайшем будущем им же присвоенный избыточный труд в форме приобретенных якобы для развития физического факультета материальных ценностей (не без постоянных обещаний в последующем "золотых гор" и "светлого будущего" и моему родному математическому). Может такое и удастся вне стен университета, но в стенах университета дело чести каждого из нас не позволить совершиться этой "приватизации" ранее чем через 2—3 года. А там будет видно. Может, к тому времени и я буду способен вернуть стоимость своего избыточного труда. Сочиненный кабарный для университета проект договора с НИФТИ содержит, например, смешотворные 2% отчисления от оборота в пользу университета. В то время как в НГУ аналогичные отчисления равны 15%, и это при наличии помощи более 20, я думаю, институтов СО АН СССР. Наш университет "по старой дружбе" должен сдирать с НИФТИ процентов эдак 25. Те миллионы, которые ФТК "вернул" в былые годы, лично я не видел. А сей-

час вопрос стоит о физическом выживании каждого из нас! Неужели В. С. Соколов будет ходить по университету, зная, что дети наших сотрудников недоедают, точнее, недополучают полноценных килокалорий! Нет уж, помирать с голоду будем вместе, товарищ народный депутат РСФСР В. С. Соколов!

Перечислю кратко и, быть может, далеко не все другие факты подтверждающие попытки власть имущих устроиться за нашими спинами.

1. Аналогичная ситуация и с разного рода малыми предприятиями, кооперативами, акционерными группами и т. д. Очевидно, должна быть при новом проректоре (еще одним!) В. В. Овчинникове создана компетентная, наделенная доверием всего коллектива комиссия по приведению в должное соответствие существующих договоров, по выработке юридического и экономического регламента образования подобных структур, чтобы можно было как-то квалифицировать подписи администрации под договорами: благостны они или наоборот преступны по отношению к коллективу в целом.

2. Без должной гласности распределяется всякого рода дотации и компенсации, предназначенные смягчать удары повышения цен. Использование терминов "премия", "оклад" позволяет исподволь обособивать большие различия их размеров, будто у членов администрации и у техников желудка устроены совершенно по-разному.

3. Откуда и для чего (согласно замечаниям приезжавшей аттестационной комиссии) держатся 50—60 вакантных ставок? Это ведь означает, что кто-то из нас "голодных" еще и перерабатывает! Какова будет судьба этих ставок?

4. Госкомобразования СССР нет. Соответствующую властную структуру в РСФСР умудрились даже забыть предусмотреть в списках министерств. НИЧ развалился. Выходит, исходящих и приходящих бумаг должно было стать меньше? А аппарат В. А. Сапожникова и А. С. Проворова никак не "похудеет". Слов нет, там сидят хорошие люди,

более того, просто красивые женщины, но... экономить-то ведь надо?

5. Как работать математическому факультету без должной материальной базы? Почему вычислительный комплекс, в свое время приобретенный тем же В. С. Соколовым в крайком, оказался сейчас в "стройконторе" Абовского?

6. За чей счет содержатся, опять же согласно замечаниям аттестационной комиссии, искусственно созданные и практически не участвующие в учебном процессе кафедры? И почему мы продолжаем содержать старые по существу, но новые по названиям общественные кафедры? Лично у меня не укладывается в голове, как может человек быть в гармонии с самим собой, если сейчас он проповедует противоположное всему тому, что он проделывал ранее!

7. Есть ли хоть какой-нибудь мало-мальски действенный контроль или хотя бы возможность контроля за деятельностью администрации? Структура Ученого Совета, выработанная на последней конференции научно-педагогических работников напрочь исключает возможность отклонения того или иного решения, выработанного администрацией (исполнительной властью). Да и состав администрации требует перемен. Не могут люди, преуспевшие в условиях застоя, отвечать требованиям сегодняшнего времени. У них не та мораль. Подписывая бумагу, они мыслят не теми категориями, придерживаются не тех принципов, которые сейчас должны быть. Опыт отбросил крылатые одно время слова "коней на переправах не меняют". Сколько уже было перемен в союзном руководстве! Неужели в университете это нужно делать с такими же потугами, как и в союзном масштабе? Ведь эти люди останутся, никто не собирается переносить их на Марс, и нам еще долго придется сосуществовать вместе, но нужно менять свое качество. А в остальном — под одним небом ходим.

К. К. Джансеитов,
доцент математического
факультета

ОСНОВЫ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

ИВАН ИЛЬИН

16. Семья.

Человек родился не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разрушьте ячейки — и вытечет мед, и распавшую вошину отдадут на переплавку...

Семья растет из любви, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительная ненависть.

То, что нужно сейчас России, — это умение любить крепко и долго. Ей нужна любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся ей русские дети, если не в крепкой, единобрачной семье своих родителей?

Только в семье любовь чиста, верна и органически-строительна. Вне семьи — она становится распутной и приучает людей к безответственности, измене, анархии и общественному распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспорядочных детей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию — без чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа. Где же научатся этому русские дети, если не в своей родной семье? Где же загорится этот огонек национальной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто внушит нашим детям веру в Русский Народ, если русская семья развеет и растеряет эту веру?

То, что нужно России навеки — это сила русского национального характера. Исторически этот характер зарождался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался в монастырях и в армии. Но хранилищем его была прежде всего русская семья. И ныне эта семья должна понести и осуществить свое призвание: она должна превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку, ту свободу небоящегося духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть школа взаимного доверия, солидарности и дисциплины. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом, семья дает человеку первые начатки правосознания.

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: умению чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Он должен научиться здесь чести, жертвенности и справедливости. Здесь он должен в явном и вживе понять, что значит "один за всех, все за одного". Ибо он сам однажды создаст семью, новую семью следующего поколения и внесет в нее тот самый дух, который он бессознательно вынес из впечатлений своего детства.

Семья есть родовый очаг всех здоровых традиций. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетиями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т.е. в семье.

Семья есть трудовой очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священных первообраза: образ любящей чистой матери и образ сильного и благостного отца. Через них душа учится прилепиться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто пронесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

17. Что есть истинный национализм.

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, уклада духа. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чувство, — что мой народ действительно получил дары Святого Духа; что он принял их своим инстинктивным чувствительным и творчески претворил их по-своему;

что сила его жива и обильна, и призвана к дальнейшим великим, творческим свершениям.

что поэтому народу моему подобает культурное "самостояние" как залог его величия (формула Пушкина), и независимость госу-

дарственного бытия.

Итак, национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть воля к творческому расцвету моего народа — в земных делах и небесных свершениях..

Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати. Национализм есть благоговение Богу за эти дары; он есть и скорбь о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник достоинства (Суворов: "Помилуй Бог — мы русские!"), источник братского единения ("Постоим за дом Пресвятыя Богородицы!"), источник правосознания ("Грозно служить и честно прямить").

Но истинный национализм учит и покаянию, и смирению — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

"За все, за всякие страдания,
За всякий погранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
Пред Богом благости и сил,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!"
(Хомяков)

Истинный национализм открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что интернационализм есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что сверх-национализм доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в нем, внимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

18. О здоровом правосознании.

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до "внешнего поведения" человека; что если это "внешнее поведение" в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западно-европейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к внутреннему миру человека; они чтут в нем свободного субъекта права и подсказывают его само-сознанию и его право-сознанию, что именно ему по закону "можно (полномочия), "должно (обязанности) и "нельзя (запретности). Поэтому в каждом государстве правопорядок зависит не только от "законов" и от "полиции", но прежде всего и глубже всего — от правосознания граждан.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины, как Божие дело, выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не личной карьере; служить не соблазненно, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ни мира.

Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, — соблюдая при этом не букву закона, а скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, брата пред лицом Божиим и свободного субъекта прав.

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает право и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего христианского правосознания. Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

(Продолжение следует)

Сегодня на этой странице — материалы, написанные студентами специализации "журналистика" 3-го курса. Этот курс первый, который набирался специализированно, среди школьников-абитуриентов проводился конкурс работ, уже где-то опубликованных. И курс подобрал довольно своеобразный, оригинальный, талантливый (по отзывам преподавателей). Но вот к третьему году обучения он почти весь "залег на дно" — непонятно почему. С редакциями не сотрудничают, не пишут. И наша публикация — это попытка вывести их из состояния покоя.

Публикация материалов третькурсников будет продолжена.

Фото А. БЕЛОВА,
3 курс.

Торжественное препарирование спектакля

"Через год в тот же день"

по Бернару Слейду.

ТЮЗ. Режиссер В. Ветронов.

Чем отличается хороший спектакль от, мягко говоря, плохого? Идеей? Возможно. Новой трактовкой затасканного сюжета? Это, безусловно, является одним из условий добротной постановки. Одним, но не главным. А главное остается постоянным и неизменным со времен Аристотеля. Искусство — это прежде всего не МЫСЛЬ, область большей частью оккупированная литературой, наукой, публицистикой, но ЧУВСТВО. Позвольте, какие мысли может внушить Венера Милосская кроме неосознанной: "Смотреть! Неотрывно смотреть! Идея — это в плакате. Увидев шедевр, чувствуешь какую-то внутреннюю легкость, восторг. Порой сам не можешь объяснить истоки и причины это чувства, но найдется светлая голова, тыкнет тебя мордочкой в рукопись, где все по полочкам: сюжет, композиция, изобразительные средства, еще что-то витиеватое, кажется из французского. Чувствуешь себя как в морге: "а это, господа, глазное яблоко в стакане, в ванне — необходимейшая для передвижения берцовая кость. Великолепнейший экземпляр!" Прощай, чудесное творенье! Прощай, чувство благоговения! Творение превратили в труп, в еще теплых внутренностях которого роются щепетильные педанты.

О, ради всего святого, не обвиняйте меня в воинствующем невежестве! Я знаю, что нужно разрезать тысячи трупов, чтобы наконец понять устройство человека. Их нужно кромсать и штопать, чтобы научиться лечить. НУЖНО. К чему устраивать анатомический театр?! Но меня туда зовут, силком натягивают белый халат (символ безгрешности и абсолютного знания, должно быть), и всучивают в руки длиннющий сверкающий нож. Я уже знаю это треклятое слово "Нужно", я повинуюсь, я иду анализировать, резать, резать. Меня даже приятно волнует ожидаемое зрелище крови: не больно-то и жалко его вспаривать, мне совсем его рожа не понравилась, и никакого такого чувства благоговения я не испытала.

Он — спектакль "Через год в тот же день" по Бернарду Слейду, поставленный ныне ласкаемым прессой Владимиром Ветроновым. Рожден осенью этого года в ТЮЗе. Оформлен Ниной Внуковой. Постановка Л. Артемовой, музоформование А. Нарпетяна и Е. Трегубова (если вам это что-то говорит).

Ну-с, приступим. Итак, перед нами — лирическая комедия. Почему лирическая? Двое трогательно любят друг друга на протяжении 24 лет. Почему комедия? Они ничуть не менее трогательно любят своих законных супругов, а встречаются лишь единожды в год в условленном номере гостиницы. Здесь нет классической нравоучительности, когда страшно волевые герои друг друга мучают, раздираемые между чувством и долгом, и долг побеждает ценою их смерти. В этой пьесе все одновременно и проще, и сложнее. Конфликт есть, но борьба вовсе не такая титаническая, и чувство побеждает довольно быстро. Здесь нет сентиментальной приподнятости, когда герои расстаются совершенно мокрые от слез и потом объясняют вялыми головами ревнивой второй половине, что свалились в лужу. В пьесе любовь и трезвее, и уточненнее. Это тонкая акварельная зарисовка любовной истории, взятый в необычном ракурсе. Хотя теперь для нас это не откровение, но мысль, что можно совершенно искренне любить несколько

мужчин и женщин, — достижение совсем недавнее (примерно середины двадцатого столетия).

Режиссер В. Ветронов попытался развить именно лирическую сторону данного произведения, постарался проследить диалектику взаимоотношений. Потуги создать нечто психолого-философское на сцене были видны, но как любые потуги были страшно утомительны, потому как ничего таки и не родилось. Актеры Позднякова (Дорис) и Андрей Няньчук (Джордж) особый упор сделали на текст. Они наговаривали слова, заполняя сценическое пространство перемещениями от кровати к дивану и в обратном направлении. Текст же сам по себе не нес в себе важной информации для развития сюжета и был задуман как "пластилин для лепки настроения". Впрочем, думаю, В. Дудин остался бы доволен. Стиль хороший, мягкий, пластичный.

Важно отметить, что необычайно трудно играть спектакль, где всего две (третий — швейцар — почти не появляется) роли. В обычном театральном действии на сцене берут на себя ведущую роль то одни, то другие артисты. Внимание зрителя переключается, а актер имеет возможность расслабиться. В этой пьесе артисты постоянно в страшном напряжении, потому что спрятаться не за кого. Текст тоже, как я уже указала, играет роль материала, действие как такое отсутствует. Итак, требуется три часа непрерывной тончайшей выразительной и проникновенной игры — и зритель не уснет. Помилуйте, да ведь это на талантливейших рассчитано профессионалов, тех, кому дар от Бога. В. Ветронов этого либо не принял в расчет, либо сознательно успел и дал роли актерам молодым, неопытным. В результате замах у режиссера получился хороший, да удара не вышло и плечо вывихнуло.

Вполне возможно было решить постановку иначе, сделав упор на комическое или пикантное. Первое в спектакле совсем не развито, зритель мог посмеяться только над текстовыми остротами. Это может показаться некорректным, но я все же укажу, что видела однажды отрывок этой комедии в столичном исполнении. Это было великолепное остроумное шоу, зрители умирали от смеха и вытирали слезы театральными билетами. Зато здесь был стриптиз. Это В. Дудин наверняка бы тоже понравилась. Режиссер угадал точно — стриптизом публику увлечь можно. Но он был такой робкий, такой поспешный, что хотелось закрыть несчастную застенчивую актрисочку своим собственным пальто или заслонить телом.

Но были моменты и веселые. Захожу я к началу спектакля и вижу нечто на сцене, напоминающее Малевича. Ближе к зрителю, кажется сугробы, на заднем плане — совершенно точно белый квадрат. Квадрат как квадрат, ничего особенного, а вот сугробы мне понравились. "Какое оригинальное решение!" — прошептала я в ухо подруге. — "Очень правдоподобно. Вдруг как будто поэмка пробежала по белым барханам. "Все гениальное очень просто!" — изрекла я афоризм, кажется, не мой. Вдруг сугробы заколыхались и поднялись над сценой. Они оказались видоизмененным занавесом, а зыбка — это голова актрисы, пробегающей под ними, чтобы занять свое место.

Препарировала Е. Муратова.

"Скажи мне, в каких стенах ты учишься, и я скажу, кто ты"

"Скажи-ка, дядя, ведь недаром...?"

— Даром, дядя, даром. Хотя арендная плата регулярно отстегивается загадочному учреждению под вывеской "Сибцветметниипроект". Впрочем, это единственный случай, когда можно серьезно говорить о каках-то денежных манипуляциях в священных стенах.

Объяснимся.

Речь идет об университетском корпусе, что на улице Маерчака. Любопытно взглянуть, в каких условиях сеется "разумное, доброе, вечное". Светлое...

Признаемся, ни света, ни сияния от этих стен не исходит. Аудитории напоминают карту военных действий. "И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел". Это конечно же, преувеличение. Однако, наблюдать, как иные преподаватели выделывают чудеса эквилибристики, лавируя между поломанными стульями и готовыми развалиться партами, довольно забавно.

Столецины еще "живых" парт напоминают стены рейхстага. (О, великий и могучий русский язык!)

Первое, что приходит в голову при сочетании "техническое обеспечение — это компьютеры. Вернее их отсутствие. И правда, зачем филологам компьютеры, зачем журналистам печатные машинки, зачем магнитофоны для прослушивания иностранных текстов?... Советские филологи, как женщины, любят и постигают (только что?) ушами. И единственным средством учителя и ученика по-прежнему остается слово. Да, "в начале было слово", но если вспомнить, что на дворе не начало, а конец XX века, становится понятным желание к "слову" присовокупить еще и Дело.

Но это все тоже слова, слова... А реальная ситуация еще более печальна: филологический факультет самый нищий в Красноярском университете, получающий всегда крохи с небогатого стола "естественных" факульте-

тов.

Впрочем, существует одно сокровище и у филфака — полуразвалившийся рояль. Чернеющий в углу одной из аудиторий, он вызывает невеселые ассоциации с блокадным Ленинградом. Правда, ленинградцы даже в самые холодные дни не топили печки музыкальными инструментами. Господа же филологи в страстном желании приобщиться к культуре давно разобрали рояль на части, так что даже традиционный "Собачий вальс" за отсутствием нужных клавиш замолк.

Да, "богатыри не мы"...

Неужели КГУ сохранит статус университета в дни аттестации и филфака не выселят из арендованных помещений? Ведь остается только сетовать на то, что вряд ли в таких условиях может вырасти новый Лермонтов или, на крайний случай, новый Горький.

А, Михаил Юрьевич?

О. НАДЬКО

УБОЖЕСТВО МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В УБОЖЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ

Человека принимают по одежке. На выбор будущей профессии едва ли влияет внешний вид вуза. Ореол престижа, созданный во времена царской России, еще сохраняется над именем современных университетов. Печать элитарности еще можно увидеть на лицах студентов филологического факультета КГУ. Просветленные лица в темных загаженных коридорах.

Здание имеет жалкий вид. Из него нас, кажется, жалят выжить (Сибцветметниипроект), да некуда. Свежий ветер гуляет в обшарпанных аудиториях, врываясь в щели прогнивших оконных рам. Техническое оснащение фака ограничивается школьными досками, скудной маленькой библиотекой и ЛУ-Ром. Шутники называют последний "Лувром".

С гордостью об учебе на филологическом студенты говорят лишь на пьяных пирушках среди приятелей — ПТУшников, но в душе фак не уважают ни преподаватели, ни студенты. Иначе как объяснить грязь, исписанные карты, сломанные стулья и бумагу, валяющуюся в коридорах. За это некого винить. Нельзя уважать тесные обшарпанные аудитории, забывшие, когда был ремонт, парты совдеповского дизайна. Красота рождает почтение, а убожество обречено на презрение. Испуганные нищенским существованием фака, низкой зарплатой и отсутствием квартир преподаватели уходят из нашего вуза в поисках лучшей жизни. Утекают ценные кадры, "мозги университета. Убожество материальное превращается в убожество интеллектуальное.

Чем ниже интеллектуальный потенциал фака, тем ниже уровень умственного развития студентов. Неизменным сохраняется лишь красивое гордое название университета, филологический факультет да ореол престижности для непосвященных.

Безнадежность высекала слабую искру бунта среди студентов-филологов. Стали ходить революционные разговоры о забастовке. Глаз был положен на роскошное здание Политпроса. Но кто же нам его подарит? Опасные настроения студенчества были с легкостью укрошены администрацией. Аминь. Вновь пришло в студенческие души равнодушие и презрение.

Л. МУРАТОВА

Редакция УЖ больше года не получала газету МФТИ "За науку" и потому несказанно обрадовалась, когда увидела ее вновь в своем почтовом ящике. Сообщаем некоторые новости из "Недели физтеха"

* ЛУР пользуется невероятной популярностью в последнее время; на всех желающих не хватает даже стульев и наушников, работают почти все каналы. Не грядет ли повышение процента отъезжающих за рубеж?

* Не десятками, а сотнями рублей исчисляются в этом году премии от деканов побывавшим "на картошке". И это правильно. И приятно.

* 100 рублей наличными и 300 талонов на питание решено выдать студентам в поддержку до конца года.

* Появилась масса желающих изучать латынь и другие "мертвые" языки. Желающих прикннуть в вышеупомянутым желающим посылают в учебный отдел.

* Криминальные новости. Шериф студгородка чуть не был отстранен от должности — долгопрудненское УВД приняло решение ликвидировать милицейский пост в МФТИ. Однако неимоверным усилием ректората решение было отменено. И хоть едва ли на-

ша милиция нас сбережет, все-таки как-то спокойно под ее крылышком.

* Бывший студент М. Пузиков предлагает записать в Уставе МФТИ следующее: "Студент МФТИ имеет право один раз за время обучения взять академический отпуск по собственному желанию" (т.е. без специальных на то причин). Почему работающий человек имеет право, если что — взять отпуск за свой счет, а учащийся — нет?

* МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В последнем полученном номере газеты "Московский университет" часть материалов идет под названием "Ректору выражено недоверие".

Из выступления В. Ильина, профессора философского факультета, на конференции представителей коллектива университета: В МГУ не внедряются прогрессивные методы образования, связанные с индивидуализацией и полипрофильностью. За последние годы вследствие неудовлетворенности служебным положением уволилось около 100 человек (по линии гуманитарных факультетов). 80 процентов штата американских математиков формируется с помощью выпу-

сников МГУ (опасная "утечка мозгов")... Руководящие структуры МГУ уже давно самоисчерпались, стиль их работы не отвечает ожиданиям ни студенчества, ни научной интеллигенции.

Ректор на конференцию не явился. Дату ее проведения он предложил сам, но оказалось, что уже за два месяца до этого он дал согласие университету "Нью-Йорк СТИИ" США приехать на собственную презентацию и "круглый стол" ректоров мира в этих же числах.

Из решения конференции:

— Читать необходимым переход МГУ в государственное подчинение РСФСР с сохранением статуса автономного вуза (единогласно).

— Выразить недоверие ректору МГУ А. А. Логунову и считать невозможным его дальнейшее пребывание на этом посту (за — 279, против — 81, воздержались — 53).

— Считать недопустимой постановку любых вопросов, связанных с отторжением единой и неделимой собственности МГУ (единогласно).

* Из материала "В заботе о детях" можно узнать, что у Московского университета есть собственные дошкольные учреждения: 4 детских сада и 2 ясельных.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ ПО ПОВОДУ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

(Начало на 1-й стр.)

представительство интересов РСФСР в сфере молодежной политики на международном, межреспубликанском уровнях и во внутрифедеративных отношениях, содействием осуществлению межреспубликанских и междуна-

родных контактов и обменов;

2. Установить годовой фонд оплаты труда работников центрального аппарата Госкомитета РСФСР по молодежной политике в сумме 30 тыс. рублей исходя из предельной численности работников этого аппарата в количестве 65 единиц.

5. Госкомитету РСФСР по молодежной политике... в 3-месячный срок представить в Совет Министров РСФСР проект Положения о Государственном комитете РСФСР по молодежной политике.

О. ЛОБОВ

Заботы АХЧ

АХЧ информирует: стараниями администрации, как могут убедиться и сами студенты, в комнатах общежитий удается сохранить тепло. Но там может быть еще теплее, если студенты будут выполнять следующие правила:

1. Батареи работают на тяге воздуха — снизу вверх. Поэтому их экраны "для большего тепла" снимать не надо — получится обратный эффект.
2. Задвижки, наоборот, надо открывать.

Реплика

КАЖДОЙ КОТЛЕТЕ—ПО ТАРАКАНУ

Все мы знаем, что никакая еда из столовского меню не заменит домашний обед. Дома поесть и вкуснее, и уютнее, и безопаснее: по крайней мере твердо уверен, что дизентерию или какую-нибудь другую кишечную инфекцию не подцепишь. Но, что делать, голод — не тетка. И вот, оголодав, однажды в перерыве между лекциями я пошла в родную студенческую столовую.

К моему великому разочарованию на этот раз в столовой жареной курочки не оказалось. Были котле-

ты с гарниром. Ку пила я порцию, села за стол, вооружилась вилкой и начала есть. Один кусочек проглотила, второй... На третий раз я обнаружила в кусочке котлеты что-то чернеющее и с усам... Боже мой, до чего я боюсь тараканов! Именно этот представитель домашних животных и был у меня в котлете.

После этой счастливой находки аппетит у меня пропал без следа. Разыгрался только интерес: засчитали ли мне на кассе стоимость и тараканьего мяса? Подружки надо

мною посмеялись: "Что ты переживаешь, котлету-то с мясом съела!". А одна заявила, что тоже обнаружила, но не таракана, а жука, и не в котлете, а в булке. Кстати, тоже купленной в нашей студенческой столовой, только в конце сентября.

Теперь сижу и ломаю голову над интереснейшим вопросом: пухнуть ли мне от голода на занятиях или жевать запеченных жуков и тараканов? Только одно успокаивает — на все котлеты тараканов не хватит.

Е. КОРЧАК

ЛИТЕРАТУРА О ЦАРСКОМ ПЕРИОДЕ

Предлагаем вашему вниманию обзор книг (новые поступления), освещающих царский период жизни Российского государства.

"Россия при царице Софье и Петре I: Записки русских людей" — Сер. мемуаров "Память". — М.: Современник, 1990 г. — Книга знакомит с характерными образцами русской исторической мысли и литературы "переходного времени", которые дают возможность взглянуть на события глазами очевидцев, познать культуру жизни России последней четверти 17-нач. 18 века. Снабжена иллюстрациями.

Павленко Н. Полудержавный властелин: Историческая хроника о жизни сподвижника Петра I А. Д. Меньшикова. — М.: Политиздат, 1991 г. Данное издание помогает оценить роль одного из главных фигур в событиях того времени. Книга публикуется по просьбе читателей.

Кюстин А. Николаевская Россия: Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990 г. Россия привлекала к себе внимание европейцев. В 1839 г. Россию посетил французский путешественник и литератор маркиз де Кюстин. По возвращении во Францию им были написаны мемуары. Книга представляет не только исторический и политический, но в большей степени скандальный интерес. Она была запрещена в царской России. Многие наблюдения и суждения автора о нашей стране субъективны. Знаида Шаховская, например, удивлена нынешним широким тиражированием книги в нашей стране и в свое время сделала некоторые пояснения относительно личности автора и его репутации.

Сборник "1 марта 1881 года: Казнь императора Александра". — Л.: Лениздат, 1991. Сборник включает воспоминания и документы народо-вольцев, свидетельства очевидцев,

следственные, судебные и правительственные материалы, мемуары государственных деятелей, портреты революционеров.

М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. — Пер. с фр., репринтное воспроизв. изд. 1923 г. — М.: Политиздат, 1991. Мемуары посла Франции — редкий по ценности материал для характеристики франко-русских отношений в эпоху войны, отношения верхов русского общества к войне, внутренней и внешней политики в деятельности Родзянко, Львова, Гучкова и др. Важнейшие политические, военные и социальные события освещены осведомленным наблюдателем. Дневники привлекают полемичностью взглядов.

Все, кого заинтересовали данные издания, могут получить их на абонементе научной литературы по Маерчака, 6, ауд. 1—16.

И. С. Колосова, гл. библиотекарь.

Под новой поэтической рубрикой "Окно" мы хотим печатать произведения поэтов, никак не относящихся к нашему университету, случайно встреченные в альманахах, новых сборниках, всевозможных изданиях — и почему-то понравившиеся. Часто из всего сборника можно выбрать одно-два стихотворения, но эту находку хочется сделать достоянием других. К тому же поэтический мир отражает разнообразие внутренних миров — в каждом человеке свой — и делает нас более внимательными и восприимчивыми к внутреннему миру человека. Удивляет манерой. А иногда вызывает согласный отзыв души совпадением с собственными "поисками".

Новый сборник поэта Ивана Жданова "Место земли" еще лежит в магазинах. Вот два стихотворения оттуда.

ПЛЫЛИ И МЫ В БЕРЕГАХ...

Плыли и мы в берегах, на которых стояли сами когда-то, теперь вот и нас провожают, смотрят глазами, теряя детали. Лечит ли время все то, что оно разрушает? Что вспоминать о воде, протекающей мимо? Нет у нее берегов для того, кто печален. Святость и сволочь сгорают, не чувствуя дыма — все совершенно на дне драгоценных развалин. Все совершенно и даже не страшно, как видишь, — Гноище ль это, убийство, предательство, свара. С места не сдвинешь, не вызовешь мук, не обидишь: то, что прозрачно греху, незаметно для дара. Но и любили мы так, как будто теряли из виду то, что любили, — молча, неслышно. Так растается с листвою в безоружной печали сад сокровенный, далекий незримый, всевышний. Или как зренье теряют меркнувшим телом: руки подносятся к глазам — не ослабла повязка? Видят как будто не то, да привыкнув за делом — точно ли было оно или все это сказка? Или как в сердце любовь загоняют — не скроешь, как берется оно, отъезжает рвотой, хлещет, язвит — и душу вовек не отмоешь ни пустотой совершенства, ни горькой заботой. Я не пою, а бреду по дну нестерпимого воя или по дну листодера к чужому обману. Больше того, чем я не был и что я такое в этом потоке я быть не могу и не стану. Если уж встретит придется себя, не узнаю: встреча во времени не далека от разлуки. Все-таки видит спиной и уходит по краю тот, кто тобой не прощен и не взят на поруки. Тот, кто тобой не забыт, продолжает толпиться смертной истомой среди полюсов лихолетья. Кто ты, увиденный мной? Почему тебе снится тот же единственный сон о неизвестном свете? Кто ты, неравный себе? Для какой ты науки? Глаз не спускаешь с меня, а смотришь спокойно и оставляешь в залог очищающей муке, клятве в замену все то, что случится достойно. Клятва — ведь это залог и подобна повязке той слепоты, что иного прозренья не хуже. Нет берегов для нее — только свет без окраски, свет на глазах, но скорей изнутри, чем снаружи. Выйди, еще погляди хоть такими глазами, все ли плывут облака, как когда-то в начале, все ли помнят тебя и глядят небесами сквозь поток и покой неразменной печали?

Иван Жданов

ДОМ

То, чем был я когда-то все, присущее мне, что тебя не коснулось, я хочу уничтожить, забыть, даже если это то, что спасало меня и еще бы спасло не однажды от одиночества и пустоты. Умирает ли дом, если после него остаются только дым да объем, только запах бессмертный жилья? Как его берегут снегопады, наклоняясь, как прежде, над крышей, которой давно уже нет, расступаясь в том месте, где стены стояли, охраняя объем, который четыре стены берегли. Нет окна, но тянутся ветви привычно клена красного, клена зеленого, клена голого, заледеневшего восстанавливать это окно, помогая проходим отражаться в пропавшем стекле. Умирает ли дом, если мы этот дом покидаем? умирает ли дом, если он забывает о нас? Поцелуй озаряет его. Ты сказала: благословляю тот день, который соединит нас, и все, что будет потом. То, что было потом, охраняют теперь снегопады, разлинованный отсвет окна создавая в полете, словно сердце синицы на встречном ветру, прогибаясь над светом. Этот свет поцелуя, снегопадами наспех обжитый, был ли в пору тебе, когда ты глаза на окно поднимала? Тот, кого ты ждала, а потом в этом доме встречала, сам придумал себя для тебя и не знал, что придумал себя. Все мне кажется — был я свидетелем в доме счастливом. Потому и хочу я забыть все, присущее мне, что тебя не коснулось. Все, чем был я когда-то. Умирающий больше похож на себя, чем живущий. Но нет прошлого с теми, кто помнит о прошлом в час открытых дверей в дом счастливый. И нет неба над небом, земли над землей и любви над любовью.